

Александр Константинович ФИЛАТОВ

25.03.1943 - 25.10.1988

Родился где-то на выселках в 1943 году, записан был в Топлинском сельском Совете после освобождения деревни. Устойчиво помню себя и окружающих с весны сорок седьмого. Голод. Первая зелень. Люди «пасутся», пацаны ловят раков, разоряют гнёзда галок и воробьёв. В нескольких десятках метров на дороге умирает мужик. Он страшно толстый, а я не могу поверить, чтобы толстые умирали.

Читать научился рано, дошкольником записался в сельскую библиотеку. В школе было легко все десять лет. Дома учение поощрялось, хотя никак и не направлялось. После окончания Топлинской десятилетки поступил в Белгородский пединститут. Учился так себе, зато много читал, причём уже не подряд.

Написал первые стихи в седьмом классе. Потом – в девятом. В институте был членом литобъединения, выпустили машинописный альманах «Родники». Моих два или три стихотворения.

По распределению уехал в деревню, где проработал пятнадцать лет, и там же, в 1981 году, был принят в Союз писателей СССР. Выпустил три книжицы стихов, естественно, написано больше. Пишу прозу, но напечатано было всего пяток рассказов. Печататься вообще-то не умею – характер. Ощущение удовлетворённости приходит во время работы.

Александр ФИЛАТОВ

1988

"СПЕШИ, ПОЭТ, НА ГОРЬКИЙ СОК..."

Дорогой друг!

Я не случайно обращаюсь к тебе именно так, мой незнакомый собеседник, держащий сейчас в руках эту книгу. Надеюсь и верю, что прочитав её ты не сможешь остаться равнодушным и обязательно почувствуешь духовную близость с Александром Филатовым. А ведь духовная близость и рождает чаще всего то, что принято называть Любовью или Дружбой. И потому хочу, чтобы ты, прикоснувшись душой к живому роднику творческого вдохновения автора и хотя бы чуть-чуть узнав об его трагической судьбе, смог полюбить его так, как, скажем, любит кто-то давно ушедших от нас Лермонтова или Тургенева, Бунина или Есенина, Цветаеву или Твардовского. Или так, как любили Александра Константиновича все, кто сколько бы немного знал его. И особенно друзья, которых у Саши было всегда очень много.

Природа наделила его необыкновенной красотой (это видно даже по представленным здесь фотографиям) и душевной щедростью. Он был прекрасным педагогом, талантливым поэтом, страстным публицистом и просто замечательным

человеком. Неудивительно, что к нему тянулись люди очень разные и по возрасту, и по интересам, и по жизненному вероисповеданию. Признанные и начинающие литераторы, школьники, учителя, журналисты, художники и колхозники встречали в его доме одинаково теплый прием.

В моей деревне – так легко,
В моей деревне – всё по-русски:
Тут сало есть и молоко,
И редька черная к закуске.

Тут стол накроют. Угостят
Медовой легкою настойкой.
Покажут яблоневый сад
И все надворные постройки.

Расспросят про отца и мать,
Поговорят об урожае...
И долго будут обнимать,
в дорогу гостя провожая...

Строки, посвященные Александром Филатовым своим землякам-топлинцам, в полной мере можно отнести и к нему самому: гостеприимному хозяину и редкому собеседнику, умеющему не только зажигательно говорить, азартно спорить, но и по-настоящему внимательно слушать. Поговорив с ним однажды, уже невозможно было вырваться из-под его обаяния. Так случилось со многими, случилось и со мной.

Телефонным звонкам Александра Константиновича я была рада в любое время. И не просто рада, они были для меня всегда долгожданнами, даже, если распрощались накануне. Так уж случилось, что никак не могли наговориться. И так получилось, что больше говорил он. Мне кажется, что диалог был попросту тесен ему и он, не уместаясь в нем, выплескивался из его рамок, переходил в монолог. Но выходило это совсем ненавязчиво, естественно, как бы само собой. И я, захлебываясь от волнения, могла слушать его бесконечно. Саша читал свои старые и новые стихи, рассказывал о состоявшихся и не состоявшихся творческих замыслах, предлагал для газеты интересные темы, делился глубоко личным, посмеивался над моей хандрой, ругал за «упаднические» настроения, наставлял, поддерживал... И день ото дня становился все ближе и необходимее. А ведь мы не только не были знакомы лично, но даже в глаза не видели друг друга! Договаривались, конечно, и не раз, планировали возможность встречи, мечтали о ней, но так и не встретились. Только телефон поддерживал нашу дружбу. Он же и познакомил нас. Причем достаточно случайно.

Я позвонила ему первой, чтобы заказать материал для газеты. Но мало ли кому приходится звонить по редакционным делам, порой и без особой радости. Работа есть работа. Вот и к предстоящему разговору с Филатовым отнеслась как к чисто дежурному. Нет, я, разумеется, знала, что он признанный в Белгороде поэт, член Союза писателей СССР, читала его сборники стихов, которые, поначалу, честно сказать, не очень меня взволновали. Вполне традиционная форма, простые рифмы... Да и от сельской тематики я, всю жизнь прожившая в сугубо индустриальных городах, была весьма далека. Суровая величавость природы родного Урала гораздо больше говорила моему сердцу, нежели красоты южнорусского края. В общем, Филатова как самобытно-неповторимого поэта я, при беглом знакомстве с его творчеством, попросту не разглядела, чему не перестаю изумляться до сих пор. Где же были мои глаза и каким таким мертвым сном спала душа, если сердце могло ровно стучать при чтении таких стихов как "В поле не ездил с прошедшего лета", "Мало времени у поэта", "Обещал в затонах острова", "Перед тем, как выйти за село", "Прочитай, мой малыш, эту книгу Добра и Печали..." Какие тут, к Богу рифмы и при чем, вообще, формы! Если есть такая пронзительно пульсирующая боль подстреленной в первом полете птицы, такая спокойная философская мудрость «старика», сумевшего не растерять ни детской удивленной наивности, ни безудержного юношеского задора. Если сама Любовь дышит в каждой строке! И нет, как сказал в одном из своих писем к Александру воронежский поэт Владимир Гордейчев, «словесной пустоты», столь свойственной иногда многим, даже неплохим писателям.

Некоторые друзья Филатова еще при жизни, а тем более после его смерти называли Сашу «белгородским Рубцовым», «белгородским Прасоловым». Я же совершенно не согласна со столь лестными сравнениями. Нет, он не хуже и не лучше Рубцова или Прасолова. Просто он – был и останется Филатовым во всей своей яркой индивидуальности. Вслушайся, читатель, в поэтическое дыхание, мелодику и метафорическую насыщенность языка стихов и прозы автора, обладающего широким творческим диапазоном, вмещающем голос лирика,

трагика, трибуна, деревенского частушечника и вечного романтика. Вслушайся и убедись в этом сам. Ведь «зримо только сердцем».

За восемь долгих лет работы над архивом Александра Филатова (совместно с его вдовой Зинаидой Владимировной) я снова и снова вспоминала эти простые и мудрые строки из трогательно-доброй философской сказки Экзюпери и его же нравственную аксиому: «Самая большая роскошь в нашем мире – это роскошь общения». А для Александра Константиновича общение было даже не роскошью, а жизненно важной потребностью. Прикованный к инвалидной коляске, он черпал в общении с людьми, природой, книгами эликсир молодости духа.

Вот лишь несколько страничек из его дневника. Вчитайтесь в них повнимательнее и убедитесь сами, чем и как жил поэт.

12 января 1976 года

Утро началось странно – с... Марка Аврелия. Сколько веков – и вот тебе – римский император! И я понял, почему я открываю то, на чем он закончил. Мучительно сознавать – пришло время величайшего уныния. Всеобщего. Две идеологии и так и этак поносят друг друга, экономический спад, безработица, невыполненные пятилетки... Но по сути, не в этом дело. Дело в том, что человек не то, что кажется с первого взгляда. Требуя хлеба, он отвергает его..

Коля Перовский (поэт, друг А.Ф. – прим. О.И.) сказал как-то, что даже в последнем стяжателе, воре, тиране, в любом земном человеке – начала нравственные... Какое уж тут – пятилетки или кризисы.. Как же и переварить всё это в наше время примитивных и грубых суждений? Как осмыслить нам, материалистам, что и душа материальна, раз она владеет нашим умом, а ум смиряет нашу душу или наоборот? Душа есть страсти и сомнения, чтобы не натворил ум без этого? Душа – некий рычаг, пульт.. Она же и стихия...

22 января 1976 года

Вот семь дней уже, как в больнице. Диагноз – ничего себе! – истощение нервной системы. Да вдобавок все мои хронические «болячки». И все бы ничего, но ведь – не лечат. Хирурга неделю не дозовусь. Надо сматываться отсюда.

Все больные – отпетые антисоветчики. Как же мужики ненавидят начальство, как им хочется быть честными... В сельском хозяйстве – полнейший завал. По крайней мере, так они говорят. Но кому же как не им верить? А один из них хочет быть писателем и прожужжал мне все уши, спрашивая, что для этого надо? Когда я сказал, что нужно выучить грамматику и прочитать хотя бы с десяток приличных книг, он вдруг заявил: «А говорят – писатели пьют водку». На что я добавил: «И валидол...»

11 января 1977 года

Решил уйти из школы. Тяжело стало быть учителем и что-то писать серьезно. Причина ухода: любовь к молодому и нелюбовь к нашему учителю; учитель – раб и идеолог рабства. Дети не понимают, как можно научиться любить Родину и народ. Они просто любят Родину и народ; стережем детей, как коров. Коровы дают молоко, дети – дадут медали и привилегии чиновникам.

30 марта 1977 года

Итак, весна, Всё идет к теплу. Всё идет к солнцу. 27 был Иван Пашков (журналист, диссидент, поэт – прим. О. И.) Делом не занимались. Да и вряд ли сможем, если даже не станем пить. Понял наконец-то, почему. Вся беда в позициях. И уважая таковую во всяком, я не хочу главного – разуважить её в себе. Городская, деревенская поэзия – какая чепуха! И когда мне говорят: «А вот Сергей Есенин, а вот Николай Рубцов...» Честное слово, не желаю отвечать на «А вот...» Говорил и буду говорить – они Поэты без всяких ярлыков.

29 марта 1978 года

Отходит и этот день. Сегодня работал – клепал лодку. Устал. К Фенни Стивенсон не притронулся, зато притронулся к земле. Обрезали сад. Из яблонь такие ветки вырезали, даже жалко...

Кто знает, сколько бы мог прожить Александр еще, не исчезни из его жизни каждодневное общение с природой после сноса родной Топлилки и переезда в Белгород, в нелюбимую городскую квартиру, именуемую им не иначе как «коммуналка». Заключение в её каменных стенах, он ощущал себя обреченным на «вечное поселение» в чужой ему стихии, завидовал даже воробью за окном или проросшему на балконе лютику.

Ну кто я без деревьев и травы –

Владелец обречённой головы?

И что мой взмах натруженной руки

Без вёсел и зарыбленной реки?

И что глаза – без лебедя и без

Засеянных светилами небес?..

А в мучительно бессонные ночи писал совершенно страшное:

Горькая обида,
А в лице покой.
Кресло инвалида
Двигаешь рукой
Незлобливой... Где там
Злобе прорасти:
Белый свет со светом
У тебя в чести.
Да еще прощенье
Вопреки судьбе...
Да сплошное мщенье
Самому себе.

И, словно опомнившись от чёрного дурмана, убеждал своё больное тело и измученную душу в возможности иного будущего. Радостного и торжествующего рождения.

Я воскресну в травах спелых,
В каждой нитке повилики,
На снегах иссиня-белых
Неземным и сердоликим.
Но воскресну в сущем деле –
Стогометном и столярном –
Сыном завтрашней артели
И земным, и благодарным!

Ко времени нашего телефонного знакомства Александр Константинович был уже неизлечимо болен. Жить ему оставалось чуть больше года. О чем я, конечно же, не догадывалась. А он? Судя по стихам, да:

Зовут на исповедь. Иду.
Кругом нечастые деревья,
А в отдалении деревня
Как на ладони, на виду.
Иду. Лишь несколько кругов
До светлой цели остаётся,
Но все труднее мне даётся
Расклад замедленных шагов...

А вот ещё:

Живу без помощи и смены,
Один во сне и наяву,
И до великой перемены
Уже никак не доживу...

Или:

Знаю, что уйду наверняка
В те миры, где всё подвластно свету,
Где совсем другие облака
Освещают знойную планету,

Где звезда вечерняя горит
В глубине вселенского тумана
И с землей спокойно говорит
Языком, не ведавшим обмана...

Но именно этих стихов он мне никогда не читал и даже, рассказывая о своих больничных мытарствах, о «легких» недомоганиях (знала бы я тогда, как он мучился физически и как страдал!) вовсе не жаловался. То ли не хотел огорчать меня, то ли надеялся на какое-то чудо и всегда, мне казалось, был полон оптимизма и желания жить и работать. И работал! Дай Бог, так работать и так заниматься самосовершенством человеку абсолютно здоровому

Недавно знакомый поэт, услышав мои восхищенные воспоминания о том, каким образованным и начитанным был Александр Константинович Филатов, пожал плечами: «Но у него же было столько свободного времени читай, да пиши. Инвалидам в этом отношении всегда проще».

Вот так! Как будто Александр Филатов и впрямь был только инвалидом. Как будто не проработал в Топлинской средней школе 15 лет учителем русского языка и литературы. А закончив уроки, не приносил домой на проверку стопы ученических тетрадей. Не вёл, уже будучи членом Союза писателей СССР, семинары молодых литераторов, не перелопачивал груды рукописей (порой откровенно бездарных) начинающих поэтов, не писал статьи в районные и областные газеты. И не только в газеты!

В домашнем архиве А. К. Филатова до сих пор хранятся копии его «докладных записок» в райкомы и обком партии, в московские ведомства и министерства о том, что строительство Белгородского моря – преступление перед природой, людьми, живущими на этой земле. Хранится и документальный фильм «У нас всего много», снятый по его сценарию. Но тогда голос поэта так и не был услышан. И всё-таки он не мог молчать, когда рушились вековые крестьянские уклады, целые деревни переселялись на новые местожительства. И не молчал.

Последний угол старины.
Последний дом в глубинах сада...
Легко на всё со стороны
Глядеть, когда рыдать не надо.

Но если в крик душа болит,
Но если в сердце зреют слезы,
Как мне глядеть на груды плит.
И в землю втоптаные розы?..

Такие стихи и спустя столько лет, после случившейся трагедии, не потеряли своей нравственной актуальности. Так же как и «На снос Топлинки», «Я видел, как речку сживали со света», «Дом разрушен», «Прилипший к папиресе...». Они словно напоминают нам, что и сегодня природа нуждается в защите, и не только от кого-то, но и от меня и тебя тоже. В этом поэтическом реквиеме, написанном «по праву бунтующей совести», мне слышится не просто плач по родному селу, но и жестокий приговор автора самому себе. Почти до последних дней жизни он так и не смог избавиться от чувства несуществующей вины, всё казалось ему, что мог бы сделать ещё что-то большее (хотя куда уж больше?), но вот – не сделал.

На безлюдье не спеши,
Даже, если сил немного,
Всё равно ищи дорогу
К тайникам чужой души.

Всё равно ищи певца,
Сам на голос откликайся
И уже не отрекайся
От тернового венца.

Он именно так и жил. Дорожа каждым днём, каждым часом, не позволяя себе расслабиться ни на минуту. И всё делал, словно взахлёб: читал, писал, рыбачил, учительствовал, работал в саду и по дому, принимал гостей.

В государстве трав и первоцветов
Я совсем не первый, не второй...
Окунаясь в травы с головой,
Я в себе не чувствую поэта.

Когда зной скользит по небосводу
И схлестнётся с сочной травой,

Окунаясь в рощу с головой,
Я в себе не слышу лесовода.

В косаря не вырасту, хоть к лугу
На плече с серпом или косой
Тороплюсь за утренней росой,
Созерцая сонную округу...

Лишь тогда я – сеятель и пахарь,
Лишь тогда я – с думой о словах –
Продолжаю книгу о лесах,
Когда сохнет потная рубаха.

Можно только удивляться, откуда бралось столько сил и времени! Сам Александр как-то ответил на мой вопрос так: «Я знаю цену жизни, но знаю и цену смерти». И это были не просто высокопарные слова. Он действительно знал смерть не понаслышке. И даже предсказал точную дату своего ухода из жизни в стихотворении «Портрету А. Филатова»:

Ты – двадцать пятого родился.
Я – двадцать пятого умру.

Он и в самом деле, родился 25 марта 1943 года, а умер в ночь с 24 на 25 октября 1988 года – в сорок пять лет!

Дала о себе знать старая рана, которую получил еще в 16 лет. Пьяный колхозный сторож выстрелил вслед идущим по вечернему саду ребятам. Вся ружейная дробь прилась на Сашу Филатова. Тогда он победил смерть. Больше того, несмотря на предсказания врачей (полная неподвижность), научился ходить на костылях, водить машину. Окончил школу, Белгородский педагогический институт. Полюбил прекрасную женщину, вырастил сад и замечательного сына. И самое главное – оставил о себе светлую память в своих книгах. Поэты в отличие от других бессмертны, пока живы их стихи, пока они хоть кому-то интересны. Так пусть эта книга будет для всех нас данью памяти и благодарности удивительному человеку и поэту Александру Филатову.

...Когда мне сказали: «Умер Саша», я словно окаменела. И никак не могла поверить не в то, что умер, а в то, что уже никогда (!!!), никогда (???) не услышу его голоса. А еще простить себе, что так и не повидалась с ним. Даже в последний путь не проводила. Надо же было уехать из Белгорода именно в ту неделю!

...Как странно, нелепо и беспощадно кроится наша жизнь. А на днях, возвращаясь из Никольского, где живут сейчас родители Александра и центральная улица носит его имя, где на сельском кладбище покоится его тело, вдруг подумала, а может не так уж и нелепо? Может даже хорошо, что не видела его мертвым? Не пришлось прощаться. «Поэты живут и должны оставаться живыми». Таким он и остается в моей памяти. Просто от него давно не было телефонных звонков...

Ольга Истомина

член Союза журналистов России